

Он поднялся со стула и прошел к более удобному креслу в углу каюты, где пристально смотрел на Венди, пока она не сделала то же самое. Он налил каждому по бокалу бренди, затем сел напротив нее и снова поднял брови. "Ты планируешь еще какие-нибудь выходы, или я могу рассчитывать на то, что ты будешь вести себя прилично?" На взгляд собеседника Крюк не стал возражать и продолжил: "Что касается моих намерений в отношении вас, то на данный момент у меня их нет. Не скажу, что мне ничего не придет в голову, но как я могу строить планы, если вы прибыли только вчера, а я об этом ничего не знал? Я даже не знал, что ты вернулась в Неверлэнд, пока ты не появилась на моей палубе". Это, похоже, удовлетворило Венди, которая неуверенно понюхала свой бренди. "Могу ли я спросить тебя, красавица, как ты вернулась?"

Венди на мгновение задумалась над этим вопросом, затем вздохнула, сделала глоток бренди и посмотрела на Хука. "Я вернулась домой из школы чуть больше недели назад. Это был конец моего последнего семестра, лето, и я с нетерпением ждала возможности провести время с семьей". Она сделала паузу и нахмурилась. "Почти сразу после моего возвращения отец, мать и тетя сказали мне, что пора начинать думать о предложениях ухаживания и брака. Я... не могла этого вынести, не могла представить, что наконец-то повзрослею и сразу же окажусь в другой ситуации, не зависящей от меня; я поняла, что именно этого я всегда боялась в детстве", - сказала Венди с грустной улыбкой.

"Продолжайте", - сказал Хук.

"В ту же ночь я отправился в детскую и заснул у того самого окна, через которое Питер впервые услышал мои истории. Проснувшись, я обнаружила, что он вернулся", - Венди негромко рассмеялась и посмотрела на потолок хижины. "После стольких лет он наконец вернулся ко мне. Он думал, что сейчас весна..." Из внутреннего уголка ее левого глаза скатилась слеза, но она не попыталась ее остановить. "В любом случае, если вы хотите знать, как я вернулась, то вот, пожалуйста. Питер пришел ко мне, и я согласилась вернуться с ним. Я была старше, и ему это не нравилось, но он принял меня, и я познакомилась с новыми мальчиками и, как всегда, чинила их одежду. Я рассказывал истории и делал все то, что мне нравилось делать в первый раз, но кое-что изменилось. Во-первых, мне кажется, что Питер стал почти невыносимо высокомерным". Крюк фыркнул, и Венди улыбнулась ему. Конечно, Крюк считал его невыносимым гораздо дольше, чем она. "Может, это я изменилась?"

Хук улыбнулся и поднял свой бокал, после чего отпил и сказал: "Без сомнения". На мгновение он уставился на нее, обдумывая ее ответ и свой следующий вопрос. "Как вы оказались ранены? Пан, конечно, дурак, но он хорошо владеет мечом и убил бы вас, если бы хотел".

"Это был не Питер", - срочно сказала Венди. Она поняла, что это прозвучало почти сразу же, как только она это сказала; она защищала его. Ее лицо покраснело, и она несколько мгновений потягивала свой бренди, прежде чем продолжить. "Это была Тинкербелл. Она сказала Питеру, что разыгрывает меня. Она хотела отрезать мне волосы, пока я сплю, но уронила нож, когда пролетала надо мной". Венди яростно смотрела в графин и так крепко сжимала его, что Крюк подумал, не сломает ли она ножку.

"Ужасное маленькое создание", - сказал он. "Что сделал Пэн?"

"Мой крик разбудил его, но он рассмеялся, когда узнал от Динь-Динь, что она сделала. Для него это была игра, капитан, - сказала Венди, и вид у нее снова стал грустный и беспомощный. Она выглядела точно так же, как и тогда, когда он сказал ей все эти годы назад, что Пэн не может чувствовать. "Он смеялся", - прошептала она, и вторая слеза скатилась по ее щеке.

Крюк поставил бокал на стол и опустился перед Венди на колени. Он достал из кармана шелковый платок и вытер слезу, как в прошлый раз, когда увидел, что ее сердце разбивается из-за Пэна, только на этот раз не потому, что хотел манипулировать ею. Это чувство было чуждым и необъяснимым для него; он понятия не имел, почему его инстинкт заставлял ее чувствовать себя лучше, а не хуже, или почему он хотел отогнать страх. "Он смеялся", - наконец шепотом повторил Хук. "Он смеялся, а ты убежала".

"Я должна была", - плакала Венди. "Я думала... я думала, что индейцы помогут мне, но я не смогла их найти". Она фыркнула и приняла платок от Крюка, но он остался стоять рядом с ней, не отрывая взгляда от ее глаз, даже стоя на коленях. "Я не могла их найти, но Питер нашел меня. Он пошел за мной, и когда он нашел меня, мы услышали пиратов, и он собирался сразиться с ними, но я сказала ему, что он должен вернуться домой и лечь спать, потому что уже пора спать, а я ведь его мама, не так ли? Он должен был меня послушаться, и он послушался; он послушался, потому что ему так нравится игра". Венди перевела взгляд с Хука на свои колени, потом обратно. "Это всегда была игра. Теперь я это знаю", - сказала она. Крюк не шелохнулся, но она знала, что он хочет, чтобы она продолжила. "Я узнала голос мистера Сми и подумала, что он может вспомнить меня или хотя бы отвести на корабль. Наверное, мне и в голову не приходило, что будет, если я ошибусь, но теперь это уже неважно, правда?" Она попыталась улыбнуться, снова вытирая глаза. "Теперь я здесь, и я была права. Вы помогли мне, и я не могу вас отблагодарить".

"Действительно", - сказал Крюк, но вид у него по-прежнему был озадаченный. Больше всего он был озадачен самим собой, но отношение Венди к Пэну его чрезвычайно интересовало. Казалось, она разрывалась между своим детским обожанием и преданностью и тем, что становилось очевидным для нее, когда она становилась взрослой. Она знала, что Пэн был ребенком и останется им навсегда, но часть ее души все еще жаждала его привязанности и уважения - двух вещей, которые Питер Пэн никогда не поймет. Он подумал, не расспросить ли ее еще, но все, что он мог спросить, не терпело отлагательств, а он устал. Он встал, не сводя с нее глаз, и протянул руку, чтобы помочь ей подняться со стула. Она приняла ее, но с осторожностью, и он знал, что это потому, что она еще не очень доверяла ему. Она была умной девушкой, всегда такой была. "Я пришлю Сми, чтобы он промыл и перевязал вашу рану", - сказал он.

"Спасибо, капитан".

"Отдыхайте, завтра мы еще поговорим". Крюк коротко кивнул и отошел от нее.

Венди знала, что это был приказ, а не предложение или просьба. Сми вошел почти сразу после ухода капитана. Старший пират осторожно обработал ее рану. Когда он закончил, то снял с нее мерки, чтобы сделать более точные поправки на подаренную капитаном одежду. Она любезно поблагодарила его, хотя ей пришлось скрывать зевоту. Несмотря на то что она проспала изрядную часть дня, недавняя встреча с Крюком вымотала ее, и она была в восторге,

обнаружив, что диван-кровать для нее уже готов.

Крюк облокотился локтями на перила палубы. Море бурлило и билось о борта корабля. Звезды прятались за туманными пурпурными облаками - верный признак того, что Пан нашел что-то неладное. Несомненно, он понял, что с Венди что-то не так. Сколько времени пройдет, прежде чем он придет за ней? Крюк размышлял, что он будет делать, когда это случится, и стоит ли отдавать девочку без проблем. Он предполагал, что она предпочтет не это, но не узнает без дальнейших расспросов, которые, как он с досадой понял, не хватит духу закончить за один вечер. Крюк наблюдал, как бурные вихри воды с зеленым оттенком плещутся и закручиваются в волны, и оглянулся только тогда, когда услышал сзади шаги Сми.

"Штормит, капитан?" - спросил боцман. Его маленькие круглые очки сидели на носу криво, а белая борода ярко блестела на фоне темных глаз. Последние остатки заката, случившегося несколько часов назад, казалось, жили в румянце его щек. Крюк улыбнулся своему спутнику и кивнул головой, а затем снова уставился в воду. "Думаешь, это Пэн?"

"В этом я не сомневаюсь, Сми", - ответил Крюк. Поверхность океана причудливо менялась под серым небом: сначала голубая, потом зеленая, потом еще более голубая, а волны увенчались пеной, которая брызгала соленым и свежим на темное дерево "Веселого Роджера". "Нет, - сказал Крюк, - не шторм, пока нет, но это лишь вопрос времени". Через некоторое время все станет ясно - и девочка, и его собственное странное любопытство, - и Крюк знал, что он прав. Он знал, потому что все в Неверленде было вопросом времени, всегда, никогда и навсегда.